

Научная статья
УДК 343.13

ДОПУСТИМОСТЬ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ И ЛИЧНОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НА ДОСУДЕБНЫХ ЭТАПАХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Алина Александровна Лукьянова

Барнаулский юридический институт МВД России, Барнаул, Россия, lok_doc@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с ограничением свободы и личной неприкосновенности. Указывается на регулятивную роль государства в правоограничительном процессе. Допустимость ограничения раскрывается через реализацию публичного интереса на примере сферы уголовного судопроизводства, ее досудебных этапов. Обращается внимание на одну из ключевых проблем – допустимость использования государственного принуждения до возбуждения уголовного дела. Автором анализируются материалы правоприменительной практики, зарубежный опыт. Формулируется вывод о затруднении доступа граждан к правосудию по причине отсутствия принудительного механизма, обеспечивающего своевременность и полноту уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела. В заключение приводится авторское видение решения проблемы.

Ключевые слова: свобода и личная неприкосновенность, ограничение прав, уголовный процесс, уголовно-процессуальное принуждение

Для цитирования: Лукьянова А.А. Допустимость ограничения свободы и личной неприкосновенности на досудебных этапах уголовного процесса: постановка проблемы // Алтайский юридический вестник. 2022. № 3 (39). С. 119-124.

Original article

PERMISSIBILITY OF RESTRICTION OF LIBERTY AND SECURITY AT THE PRE-TRIAL STAGES OF THE CRIMINAL PROCESS: STATEMENT OF THE PROBLEM

Alina A. Lukyanova

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russia, lok_doc@mail.ru

Abstract. The article deals with issues related to the restriction liberty and security of person. The regulatory role of the state in the legal process is indicated. The permissibility of the restriction is revealed through the implementation of public interest on the example of the sphere of criminal proceedings, its pre-trial stages. Attention is drawn to one of the key problems: the admissibility of the use of state coercion before initiating a criminal case. The author analyzes the materials of law enforcement practice, foreign experience. A conclusion is formulated about the difficulty of citizens' access to justice due to the lack of a compulsory mechanism that ensures the timeliness and completeness of criminal procedural activity at the stage of initiating a criminal case. In conclusion, the author's vision of solving the problem is given.

Keywords: liberty and security of person, restriction of rights, criminal procedure, criminal procedural coercion

For citation: Lukyanova A.A. Permissibility of restriction of liberty and security at the pre-trial stages of the criminal process: statement of the problem. Altai Law Journal. 2022;3:119-124. (In Russ.).

Идеал реализации свободы личности отнюдь не предполагает абсолютной ее независимости от решений и действий государственной власти. Свобода, выраженная в юридическом праве, исходя из индивидуальности ее владельца, может быть уникальной, но не является единственной в гражданском обществе. Правоотношения (аналог *situation juridique*, что в переводе с французского означает «правовая ситуация») связывают множество субъектов, имеющих разные, порой противоречащие друг другу интересы.

При этом возможность реализации свободы в беспредельном виде приводит к безоговорочному доминированию и террору со стороны более сильной личности. Поэтому в условиях противостояния вмешательство медиатора в лице государства оказывается просто необходимым, чтобы избежать анархии.

Взгляд на указанный вопрос в фокусе исторического анализа, в его онтогенезе и обращение к нормативному содержанию Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ставшей либеральным наследием Великой французской революции и закономерным предшественником демократических изменений во многих других странах, показывает, что свобода ассоциируется именно с возможностью делать то, что не наносит вреда другому (ст. 4). Важен и используемый гуманистический принцип, во-первых, определяющий взаимосвязь пределов ограничения прав и обеспечения пользования других членов общества теми же правами, а во-вторых, указывающий на регулятивную роль государства в правоограничительном процессе, т.к. указанные пределы «могут быть определены только законом» [1].

Регуляция общественных отношений среди прочего состоит в установлении пределов реализации отдельных прав и свобод, в определении общих условий их ограничения. Тем самым человек, с одной стороны, становится защищенным от произвольных действий оппонентов и вмешательства в пределы его автономии, а с другой – всем участникам общественных отношений гарантируется равная возможность пользоваться своими правами и свободами в отсутствие дискриминации.

Необходимо отметить, что российский законодатель, учитывая многообразие позиций международных актов, в т.ч. современных, но следуя национальным правовым традициям, на конституционном уровне в числе неотъемлемых декларирует право каждого на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ). Названная конституционная дефиниция в нынешней действительности является выражением «физической свободы личности», что предполагает возможность выбирать вариант поведения, руководить своими действиями и быть защищенным от внешнего вмешательства [2].

Более того, с учетом своего исторически обусловленного развития свобода и личная неприкосновенность как юридическое право устанавливают границы «физического» самоопределения личности и ее индивидуальной автономии (курсив авт. – А.Л.). Таким образом, уберегая от произвольного вмешательства со стороны самого же государства, например, в правоотношениях в сфере уголовной юстиции.

Любопытно, что в ст. 22 Конституции РФ содержится зеркальная норма, в которой как провозглашается искомое право, так и оговаривается допустимость его ограничения в интерпретации отдельных конституционных требований. Следует признать, что право на свободу и личную неприкосновенность не относится к числу неприкасаемых благ, которые не подлежат ограничению ни при каких, даже особых, обстоятельствах¹ (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Наряду с этим, формулируя конституционные императивы, законодатель использует универсальные межотраслевые понятия. К числу установлений, которые, по мнению автора, уместно определить как *правила надлежащей процедуры ограничения права* (курсив авт. – А.Л.), относятся: допустимая процессуальная форма (арест, заключение и содержание под стражей, задержание), судебный контроль, а также запрет на внесудебное ограничение путем задержания сроком свыше 48 часов.

Далее, как следует из ст. 55 Конституции РФ, федеральным законом, когда имеет место публичный интерес, могут устанавливаться самостоятельные соразмерные и необходимые ограничения свободы и личной неприкосновенности. Государственная защита прав и свобод (ст. 45 Конституции РФ) есть тот самый публичный интерес, реализуемый в уголовно-процессуальных правоотношениях и противопоставляемый интересам частным, свободе личности.

Характеризуя сущность публичного интереса и публичности уголовно-процессуальной деятельности, авторы традиционно обращаются к вопросам целеполагания. Например, А.А. Давлетов и А.С. Барабаш в качестве такой общественной потребности, на удовлетворение которой ориентирована уголовно-процессуальная деятельность, называют защиту социума от преступлений [3]. В.М. Корнуков отмечает, что «уголовный процесс был, есть и будет в первую очередь узаконенным способом (средством) борьбы с преступностью и осуществления правосудия по уголовным делам» [4].

А.В. Спиринов среди прочего включает в содержание публичного правового интереса в уголовном судопроизводстве «выполнение процессуальных действий и принятие решений в рамках уголовного судопроизводства» [5]. Совершенно обоснованно оппонирует этому мнению Э.С. Каминский, отме-

¹ В контексте чрезвычайного положения.

чая, что указанные действия «сами по себе не являются содержанием публичного интереса, а лишь средством его обеспечения» [6, с. 30]. Как полагает автор, одним из элементов содержания публичного правового интереса выступает «обеспечение режима расследования и разрешения уголовных дел, позволяющего привлекать виновных к ответственности». Ограничение прав и свобод не может служить одной только цели рациональной организации деятельности органов власти, важен социально необходимый результат, которому адекватно правоограничение [7]. Соглашаясь с мнением процессуалиста, считаем необходимым обратить внимание на вызывающую интерес, на наш взгляд, предложенную Э.С. Каминским конкретизацию применительно к досудебным стадиям.

По мнению автора, публичный правовой интерес реализуется как на стадии предварительного расследования (своевременное и обоснованное установление обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ и входящих в предмет доказывания), так и на стадии возбуждения уголовного дела (установление необходимости (либо ее отсутствия) возбуждения уголовного дела и преследования конкретного лица).

Если интерпретировать необходимость достижения названного публичного интереса в качестве определяющего правомерность ограничения прав и свобод лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство и в уголовно-процессуальные правоотношения, то обнаруживается одна из центральных проблем, не теряющая своей актуальности: проблема допустимости государственного принуждения и пределов его применения в стадии возбуждения уголовного дела. С одной стороны, в уголовно-процессуальной науке существует традиционная концепция, согласно которой положительное решение о возбуждении уголовного дела является правовой основой и необходимым условием мер уголовно-процессуального принуждения [8, с. 8; 9, с. 49-50; 10, с. 40]. Невозможность применения указанных принудительных мер предопределена самой природой первой стадии уголовного судопроизводства и является характерной чертой, отличающей ее от стадии предварительного расследования.

В то же время нельзя отрицать рациональности широкого подхода к пониманию уголовно-процессуального принуждения. Концептуально систему средств принудительного потенциала уголовного процесса, в т.ч. ограничивающих свободу и личную неприкосновенность, можно рассматривать в широком и узком смыслах через меры уголовно-процессуального принуждения. С чем, если не с ограничением прав, следует сравнить обыск, в ходе которого следователь запрещает покидать место, где производится указанное следственное действие? Освидетельство-

вание, в особенности осуществляемое в принудительном порядке, предполагает вторжение в пределы телесной неприкосновенности личности. Более того, указанное следственное действие в настоящее время может проводиться до возбуждения уголовного дела.

Отметим, что в течение долгих лет предметом многочисленных научных исследований выступает и вопрос целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела в целом [11, 12, 13, 14, 15, 16]. Учитывая, что в настоящее время методологические границы проверки сообщения о преступлении существенно расширены¹, закономерными являются и соответствующие проблемы правоприменительного характера, детерминированные наличием правовой неопределенности в урегулировании оснований и процессуального порядка производства отдельных следственных и процессуальных действий, допустимых в стадии возбуждения уголовного дела.

Показательно, что количество решений об отказе в возбуждении уголовного дела, ежегодно отменяемых органами прокуратуры, исчисляется миллионами (к примеру, в 2021 г. их число составило 1 586 962, в 2020 г. – 1 809 511, в 2019 г. – 2 035 927). При этом доля возбужденных уголовных дел по результатам отмены названных постановлений не превышает и 10%, хотя с каждым годом постепенно и увеличивается (в 2019 г. – 162 445, или 8%, в 2020 г. – 165 099, или 9,1%, в 2021 г. – 155 152, или 9,8%) [17].

Обобщение изученных нами материалов правоприменительной практики свидетельствует о том, что распространенным основанием отмены прокурором решений об отказе в возбуждении уголовного дела является невыполнение в ходе проверки сообщения о преступлении всех процессуальных действий, необходимых для принятия законного решения, предусмотренного ст. 145 УПК РФ. Неполнота проведенной проверки сообщения о преступлении, в частности, заключается в неполучении необходимых объяснений, непроведении следственных (процессуальных) действий с участием конкретных лиц,

¹ Если УПК РСФСР в качестве средств проверки определял только истребование необходимых материалов и получение объяснений, которые должны были производиться в максимально допустимый срок 10 суток (ст. 109). И лишь в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия мог быть проведен в рамках проверки сообщения о преступлении, при этом решение о возбуждении уголовного дела при таких обстоятельствах должно было быть принято немедленно после проведения осмотра (ст. 178). С принятием УПК РФ 10-суточный срок проверки не изменился, но в проверочный инструментарий были добавлены ревизии и документальные проверки. Уже последующие изменения и дополнения УПК РФ при сохранившемся объеме процессуального принуждения сформировали новые нормы о сроках и средствах проверки сообщения о преступлении, имеющиеся в действующей редакции ст. 144 УПК РФ.

в то время как причиной тому является тривиальное нежелание¹ граждан контактировать с представителями правоохранительных органов.

Следует признать, что российское законодательство не содержит эффективного механизма, который обеспечил бы принятие предусмотренного ст. 145 УПК РФ безошибочного решения в кратчайшие сроки, о чем свидетельствуют вышеприведенные данные. Должностные лица, осуществляющие проверку, не могут требовать явиться и участвовать в процессуальных действиях, использовать для этого государственное принуждение (в широком смысле), ограничивающее свободу и личную неприкосновенность.

Безусловно, ч. 4 ст. 21 УПК РФ содержит норму, согласно которой требования, а также поручения и запросы следователя (дознателя) обязательны для исполнения всеми, но необходимо конкретизировать содержание этих требований. Более того, дискуссионность вопросу предает само нахождение названного правового предписания в статье, посвященной уголовному преследованию. Требования следователя (дознателя) обязательны только при осуществлении уголовного преследования указанными лицами? Осуществляется ли уголовное преследование в стадии возбуждения уголовного дела?

Далее в ст. 144 УПК РФ отражено лишь право получать объяснения, проводить отдельные следственные (процессуальные) действия, но корреспондирующей этому праву обязанности граждан являться, давать пояснения, участвовать в следственных (процессуальных) действиях нет. Равно как и нет процессуального механизма обеспечения принудительного участия лиц, необходимых для проверки сообщения о преступлении. Правила ст. 188 УПК РФ не распространяются на стадию возбуждения уголовного дела, привод и другие меры воздействия, предусмотренные УПК РФ, использовать невозможно.

Обратившись к административному законодательству (ст. 17.7 КоАП РФ), несложно заключить, что ответственность за невыполнение законных требований следователя (дознателя) ничтожна (до 1500 рублей для граждан) [18] и в целом не решает задачу своевременного принятия решения по сообщению о преступлении. Если вырабатывать решение проблемы с ракурса полномочий полиции по вызову граждан полиции, то они ограничены материалами, относящимися только к их компетенции [19, 20].

Между тем в УПК РФ само по себе отсутствует требование о незамедлительном проведении проверки сообщения о преступлении. Законодатель ограничивается лишь указанием определенных рубежей (3,

¹ Не рассуждая о мотивах, нелишне привести в пример результаты опроса, проведенного в 2021 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения, согласно которому более одной трети россиян, к примеру, попросту не доверяют сотрудникам полиции.

10, 30 суток первоначальной проверки и 10 суток для дополнительной в случае отмены процессуального решения) и констатацией разумности срока.

Указанные обстоятельства в отдельных случаях позволяют срокам предварительной проверки многократно превышать сроки расследования. Например, как в деле Б.А. Сотникова, согласно материалам которого период с момента обращения с заявлением о преступлении до момента возбуждения уголовного дела составил более 6 лет (с 5 июня 2009 г. по 26 ноября 2015 г.) при общем сроке предварительного расследования в 9 месяцев и 6 дней [21]. Такое положение дел попросту затрудняет доступ граждан к правосудию и защите своих прав средствами, характерными для стадии предварительного расследования. Поэтому проверка сообщения о преступлении должна проводиться в разумные сроки, но стремиться к их сокращению.

Анализируя зарубежный опыт, отметим, что законодатели дифференцированно регулируют этот вопрос. Например, в УПК Республики Армения участники процесса обязаны являться по вызову лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, и подчиняться их законным распоряжениям. При этом производство по уголовному делу включает в себя и подготовку к возбуждению [22]. В тексте УПК Республики Беларусь (далее – УПК РБ) не только закреплена обязанность участников уголовного процесса «подчиняться законным распоряжениям органа, ведущего уголовный процесс», но и частично легализовано уголовно-процессуальное принуждение до возбуждения уголовного дела. Задержание и личный обыск согласно ст. 173 УПК РБ могут быть произведены при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении [23]. Законодатель Республики Казахстан (далее – РК) разрешил данную дилемму, отказавшись от стадии возбуждения уголовного дела в целом. Хотя постановления, поручения и указания следователя подлежат обязательному исполнению всеми организациями, должностными лицами и гражданами (ст. 60 УПК РК), в соответствии со ст. 179 УПК РК досудебное расследование обязательно по всем заявлениям, сообщениям об уголовных правонарушениях [24].

Любопытно в качестве примера привести опыт Эстонской Республики (далее – ЭР), в которой следователь более оперативен в своих полномочиях, он может требовать от гражданина «следовать в следственный орган» (исходя из толкования оснований привода, содержащихся в ст. 139 УПК ЭР) [25]. Мгновенные меры процессуального реагирования предусмотрены и в другом европейском государстве – Швейцарии, уголовно-процессуальный кодекс которой разрешает осуществить привод лица, если «его незамедлительное появление необходимо в интересах правосудия»

[26, с. 100-105]. При этом в Швейцарии мерами процессуального принуждения считаются все процессуальные действия государственных органов уголовного судопроизводства, которые затрагивают основные права личности, в т.ч. чтобы обеспечить участие лиц в производстве по делу [26, с. 100-105].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- свобода личности должна быть ограничена, и регулятивную роль в правоограничительном процессе имеет государство, устанавливая пределы реализации прав и общие условия их ограничения;

- сфера уголовной юстиции – одна из публично-правовых сфер, в которой реализуется публичный интерес, обуславливающий необходимость ограничения прав и свобод личности;

- свобода и личная неприкосновенность как конституционное право устанавливают границы «физического» самоопределения личности и ее индивидуальной автономии, в т.ч. от действий и решений государства;

- правовая норма, содержащаяся в ст. 22 Конституции РФ, не только декларирует право, но и определяет правила надлежащей процедуры ограничения права, в частности, в сфере уголовного судопроизводства;

- уголовно-процессуальное принуждение, ограничивающее свободу и личную неприкосновенность, можно рассматривать не только в узком смысле через меры, регламентированные главами 12-14 УПК РФ, но и в широком – как любые процессуальные действия (решения), затрагивающие указанное право;

- оценка допустимости ограничения свободы и личной неприкосновенности в ракурсе публичного интереса, реализуемого на досудебных этапах уголовного процесса, позволяет назвать процессуальную дилемму о допустимости ограничения свободы и личной неприкосновенности в стадии возбуждения уголовного дела путем применения государственно-го принуждения;

- правовым последствием неурегулированности средств проверки в условиях расширения методо-

логических границ стадии возбуждения уголовного дела является отмена процессуальных решений и увеличение сроков проверки, что затрудняет доступ граждан к правосудию и защите своих прав средствами, характерными для стадии предварительного расследования;

- в российском уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует механизм, который бы позволял должностным лицам, осуществляющим проверку сообщений о преступлениях, требовать от граждан явиться и участвовать в процессуальных действиях, использовать для этого государственное принуждение, ограничивающее свободу и личную неприкосновенность.

В заключение осмелимся утверждать, что решение приоритетной задачи начальной стадии уголовного процесса в ряде случаев просто невозможно без принудительного потенциала публично-правовой деятельности. Полагаем, что процессуальное решение о возбуждении уголовного дела, основанное на достаточности данных о признаках преступления, не должно восприниматься в качестве минимального условия использования государственного принуждения в целом. Бесспорно, для уже имеющихся в разделе 4 УПК РФ мер отмена названного процессуального условия влечет за собой размывание границ стадии предварительного расследования. Но отчасти решение проблемы обеспечения своевременности и полноты уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой с целью принятия законного и обоснованного итогового процессуального решения по результатам проверки сообщения о преступлении, заключается именно в признании допустимости использования некоего объема государственного принуждения, ограничивающего свободу и личную неприкосновенность. Такое признание может быть выражено в закреплении в тексте ст. 144 УПК РФ полномочия должностного лица, осуществляющего проверку сообщения о преступлении, требовать от граждан безотлагательно участвовать в процессуальных действиях, а в случае отказа проводить необходимые процессуальные действия принудительно.

Список источников

1. Декларация прав человека и гражданина 1789 г. URL: <http://larevolution.ru/declaration.html> (дата обращения: 10.02.2022).
2. Лукьянова А.А. Конституционно-правовое понимание права на свободу и личную неприкосновенность и его значение в уголовном процессе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 139-144.
3. Давлетов А.А., Барабаш А.С. Место и роль публичности в уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 125-136.
4. Корнуков В.М. Назначение уголовного судопроизводства и его отражение в регламентации отдельных стадий и институтов // Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства в России: мат-лы научной конф-ции (Москва, 22-23 января 2002 г.). М., 2002. С. 56-57.
5. Спирин А.В. Публичный интерес в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1. С. 91-104.

6. Каминский Э.С. Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

7. По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1996 № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань: Изд-во Казанского университета, 1981.

9. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1975.

10. Корнуков В.М. Меры уголовного процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978.

11. Азаров В.А. Целесообразно ли наличие в отечественном уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела? // Уголовная юстиция. 2014. № 2 (4). С. 13-17.

12. Гаврилов Б.Я. Возбуждение уголовного дела как стадия уголовного процесса: нужна ли она российскому предварительному расследованию и в каком виде? // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2016. № 4 (14). С. 86-90.

13. Кругликов А.П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? // Российская юстиция. 2011. № 6. С. 56-59.

14. Логунов О.В., Умнов С.П., Кутуев Э.К. О необходимости упразднения стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (55). С. 7-10.

15. Николук В.В., Деришев Ю.В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.

16. Россинский С.Б. Стадия возбуждения уголовного дела: безоговорочно упразднить либо попытаться понять подлинные причины ее возникновения? // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6 (127). С. 133-139.

17. Из официальных данных Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2022).

18. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

19. Вопросы организации полиции [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 01.03.2011 № 250. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. URL: <http://parliament.am/> (дата обращения: 10.02.2022).

23. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: <https://kodeksy.by/ugolovno-processualnyy-kodeks/> (дата обращения: 10.02.2022).

24. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: <https://online.zakon.kz/> (дата обращения: 10.02.2022).

25. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонской Республики от 12 февраля 2003 г. RT I 2003, 27, 166. URL: <http://parliament.am/> (дата обращения: 10.02.2022).

26. Уголовно-процессуальный кодекс Швейцарии от 5 октября 2007 года. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2012. 224 с.

27. По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 18.02.2000 № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».